

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Н.С. ЛЕСКОВА

Виктор Теплицкий, Протоиерей Никольского храма г. Красноярск, священник, лектор КГПУ им. В.П. Астафьева

Аннотация. Одним из важнейших факторов, повлиявших на религиозное самоопределение русского классика, оказалась та историческая обстановка, в которой выпало жить и работать Николаю Семёновичу Лескову. «Отмена крепостного права в России и последовавшие за ней либеральные реформы Александра II привели к существенным изменениям во всех сферах жизни общества в стране. Реформы, затронувшие самые основы экономического и социального порядка, не могли не сказаться и на политическом, и тем более – духовном состоянии российского общества» [Федоров, 2000, с.258].

Ключевые слова: религиозное самоопределение, Николай Лесков, реформы Александра II, национальное самосознание.

FORMATION OF N.S. LESKOV'S RELIGIOUS SELF-DETERMINATION

Viktor Teplitsky, Archpriest of St. Nicholas Church in Krasnoyarsk, priest, lecturer of the KSPU named after V.P. Astafyev

Annotation. One of the most important factors that influenced the religious self-determination of the Russian classic was the historical situation in which Nikolai Semenovich Leskov had to live and work. "The abolition of serfdom in Russia and the liberal reforms of Alexander II that followed it led to significant changes in all spheres of society in the country. The reforms that affected the very foundations of the economic and social order could not but affect the political, and even more so the spiritual state of Russian society" [Fedorov, 2000, p. 258].

Keywords: religious self-determination, Nikolai Leskov, reforms of Alexander II, national identity.

Первые литературные опыты Лескова датируются началом 60-х. Последние обличительные произведения – началом 90-х. Таким образом, творчество русского публициста, писателя, критика пришлось как раз на пореформенный период.

С чем столкнулся Лесков? Свидетелем какого рода перемен пришлось ему стать?

«Начавшаяся в 1861г. крестьянская реформа способствовала развитию капитализма в стране. Параллельно с модернизацией экономики произошло существенное изменение социальной структуры российского общества: уходили

в прошлое сословные перегородки, постепенно падало экономическое и культурное значение землевладельческого дворянства, и одновременно увеличивались численность и влияние в обществе представителей средних классов, которых называли разночинцами, сформировались новые социальные слои населения – пролетариат и промышленная буржуазия» [Федоров, 2000, с.282].

Однако буржуазные по своему содержанию реформы носили непоследовательный и незавершённый характер, а попытки государства контролировать все сферы жизнедеятельности приводили к появлению оппозиции, тайных политических организаций.

Утверждение в России капитализма и связанное с этим изменение социальной структуры общества не могли не привести к изменениям и в общественном сознании. Дробление на многочисленные течения, группы, направления стало отличительным знаком того времени. Причём раскол коснулся почти всех основных общественных сфер, прежде всего экономической, культурной, религиозной. Страна переживает социальный, духовный и нравственный кризис. Кризис – это всегда разобщённость, следствием которой является разрыв культурной традиции, появление новых мировоззрений, учений и религиозных направлений. Всё это рельефно отображается в произведениях искусства российской эпохи перемен, в первую очередь в литературе.

Общество, как было сказано, дробится на течения и группы, которые возглавляют новоявленные учителя, вожди, лидеры. А это значит, что в культурной и социальной сферах происходит осмысление личностного бытия. Именно вопрос личности, её самоценность, достоинство, призвание и назначение выдвигается на первый план. В литературе рассматриваемого периода резко повышается интерес к вопросам религиозно-этического и философского плана, что не может не наводить на размышление о связи личности и традиции.

Хранительницей основных духовных и нравственных традиций России XIX столетия, несомненно, была Православная церковь. Под влиянием православного христианства исторически оформилось национальное самосознание русского народа, его менталитет. И потому именно в Церкви государственная власть искала опору в разрешении нараставших противоречий. «Православие, – пишет церковный историк, – было основным идеологическим символом самодержавия и основным источником его легитимации. Преобразования в России не могли не коснуться и Церкви» [Цыпин, 2004, с.100].

Государство пыталось при помощи малых затрат достигнуть максимально серьёзных результатов. Они не были и не могли быть достигнуты.

Духовная основа не может быть сформирована за короткое время, тем более авторитарными методами. В итоге насущные вопросы оставались нерешенными. И важнейшим из них была зависимость Церкви от государства. «Государство осуществляло над Церковью тотальный контроль и опеку, лишая её какой-либо самостоятельности. Современные светские и церковные историки отмечают отрицательный характер влияния этих черт на жизнь РПЦ и её положение в обществе пореформенной России» [Цыпин, 2004, с.111].

Таким образом, духовный кризис не только не был преодолен, но, наоборот, ещё более усугубился. Он «проявился во всеобщем падении общественного престижа религии, обесценивания её роли в решении общественно значимых проблем, утратой влияния на верующих, девальвацией религии как средства удовлетворения духовных потребностей» [Цыпин, 2004, с.194].

В период «девальвации религии» русская литература, как наиболее значимый и распространённый вид искусства, берёт на себя смелость и ответственность в разрешении вопросов морали, культуры и духовности. Она и предлагает свои пути выхода из тупика. Беда только в том, что путей этих было много. Слишком много. Свой путь преодоления нравственного и религиозного кризиса предлагал Н.С. Лесков.

Николай Семёнович Лесков как натура творческая, деятельная, но во многом противоречивая, не остался в стороне от насущных проблем, охвативших пореформенную Россию. Осознав в себе дар писательства, начиная с самых первых публицистических выступлений он дерзновенно вступил на путь сохранения словесной народной культуры. Он не был ни «кабинетным» историком, ни поверхностным «любителем» старины. Он нёс эту культуру в себе самом, был её неотъемлемой частью и прекрасно знал и чувствовал душу своего народа. «Я не изучал народ... я вырос на гостомельском выгоне с казанком в руке, – писал о себе Лесков, – я спал с ним на росистой траве ночного под тёплым овчинным тулупом на замашной панинской толчее. Я с народом был свой человек» и знал «русского человека в самую его глубь» [Лесков, 1984, с.207].

Лесков в своём творчестве явился хранителем культуры, языка, нравственных устоев и мироощущения своего народа. В этом он видел своё основное служение. Вот выдержка из его письма 1870 года: «...Я буду... со всеми моими способностями и любовью к нашему честному и святому влечению служить Родине словом правды и истины. Благодарю Вас искренно, горячо, ото всего моего простого и нестерпимо болящего за родину сердца!» [Лесков, 1956-58, с.280]

И было от чего болеть сердцу писателя. Капитализм, обрушившийся на Россию, порождает новую систему отношений. Перемены сотрясают страну. Под воздействием новых веяний, новых течений в общественной жизни происходит размывание традиции, разрушение сложившегося уклада жизни, а вместе с ним и всего культурного слоя. Одним из таких течений, охватившим Россию, был нигилизм — умонастроение, связанное с установкой на отрицание духовных основ бытия (личности, общества, культуры) и сопровождающееся пафосом негативизма. И если в Европе нигилизм, будучи симптомом далеко зашедшей секуляризации сознания и потрясения привычных устоев, шёл под знаком отталкивания от лицемерной и прозаичной буржуазно-мещанской цивилизации, то в России он оказался «формой общественно-идеологического протеста и атакой на патриархально-религиозные основы общежития» [эл. библиотека].

Нигилистами именовали в то время представителей «радикального направления разночинцев-шестидесятников, выступавших с проповедью революционного мировоззрения, отрицавших социальные (неравенство сословий и крепостничество), религиозные (православно-христианская традиция), культурные («официальное мещанство») и иные официальные устои общества до- и пореформенной России, общепринятые каноны эстетики и проповедовавших вульгарный материализм и атеизм» [эл. философ. энциклопедия].

Выше уже говорилось, что вопрос личностного бытия занимал умы многих в то беспокойное время. Где и в чём искать духовную опору человеку? В новых направлениях, в традиционных религиозно-нравственных устоях или в самом себе? Нигилисты предлагали своеобразный путь – уничтожение прошлого и просвещение народных масс «новым знанием» посредством популяризации материализма и естествознания.

Именно через призму отношения Лескова к нигилизму нужно рассматривать его первые литературные опыты – произведения, в основание которых закладываются основные идейные, художественные и религиозные принципы всего дальнейшего творчества писателя, избравшего путь литературной автономии, или, как он сам его обозначил, – «вне направлений». Но «вне направлений» формировался и духовный путь писателя – путь нравственного самосовершенствования. И потому фундаментом прозы Лескова, её основой положена мораль.

Необходимо отметить, что Николай Семёнович Лесков происходил из духовного сословия. Его дед был потомственным священником. Отец хотя и прервал сословную линию преемства, всё же воспитывал сына в патриархальных традициях Священного Писания. Библейский язык писателя, многочисленные

аллюзии, встречающиеся не только в произведениях, но и в письмах, являются ярчайшим тому свидетельством. Но помимо Писания, Лесков вобрал в себя богатейшее предание своего народа – множество сказаний, легенд, былин, житий и песен. Многовековое прошлое Руси, язык Священного Писания и светская современная культура, которую Лесков знал и любил, сплелись в душе писателя в нечто единое и неразрывное, сформировавшее его мировоззренческую позицию и творческую самобытность. «Я лишь ищу правды в жизни и, может быть, не найду ее», – напишет он в письме к Суворину в 1871 году [Лесков, 1956-58, с.297]. И если поначалу, примкнув к лагерю литераторов-разночинцев, он пишет критические статьи и фельетоны, то в дальнейшем, наблюдая борьбу партий, «разрыв традиций», противостояние «отцов» и «детей», Лесков отступает от идей революционеров. Вникнув в суть нигилизма и разуверившись в его разрушительных атеистических идеях, в 1862 году Лесков-публицист вступает «в открытую полемику с представителями революционно-демократической мысли, которых он назвал «теоретиками»» [Лесков, 1984, с.125]. Его романы «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870-1871) – сатира на новоявленные революционные общины с их стремлением к разрушению всего, что было сформировано веками. При этом Лесков акцентирует внимание не на критике учения, его интересует прежде всего личность. Он стремится изобразить человека в действительности, во всех перипетиях жизни таким, какой он есть по правде, а не по выкладкам теорий и «направлений».

Автора «Обойдённых» (1865) нельзя в полной мере причислять к писателям так называемых антинигилистических романов. Он ищет и создаёт свой стиль, пытаясь писать о русском человеке, попавшем под колесо истории. Он стремится писать объективно, отделяя зёрна от плевел. Вот его письмо к А.С. Суворину: «Я не думаю, что мошенничество «непосредственно вытекло из нигилизма», и этого нет и не будет в моём романе. Я думаю и убежден, что мошенничество примкнуло к нигилизму, и именно в той самой мере, как оно примыкало и примыкает «к идеализму, к богословию» и к патриотизму... Я не мщу нигилизму за клевету мерзавцев и даже не соединяю их воедино в моей голове. Я имею в виду одно: преследование поганой страсти приставать к направлениям, не имея их в душе своей, и паскудить всё, к чему начнётся это приставание. Нигилизм оказался в этом случае удобным в той же мере, как и «идеализм», как и «богословие»» [Лесков, 1956-58, с.297].

Лесков во главу проблемы ставит человека. Но человека, обезличенного нигилизмом, одержимого идеей уничтожения. Это необыкновенно ярко показано в романе «Некуда».

« «Что за черт такой!» — думал Розанов, слушая страшные угрозы Бычкова. Это не были нероновские желания Арапова полюбоваться пылающей Москвою и слушать стон и плач *des boyards moskovites*.

Араповские стремления были нежнейшая сентиментальность перед тем, чего желал Бычков. Этот брал шире:

— Залить кровью Россию, перерезать всё, что к штанам карман пришило. Ну, пятьсот тысяч, ну, миллион, ну, пять миллионов, — говорил он. — Ну что ж такое? Пять миллионов вырезать, зато пятьдесят пять останется, и будут счастливы» [Лесков, 1956-58, с. 301].

В противовес этому обществу обезличенных нигилистов Лесков в дальнейшем выводит личность, которая является носителем народной правды. С первых своих романов, в противостоянии всему надуманному, материалистическому Лесковым закладывается фундамент того, что в дальнейшем исследователи назовут «образом русских праведников» — людей различных социальных слоёв, но укоренённых в незыблемых традиционных духовных ценностях.

В нигилизме в частности, а в дальнейшем и в государственной, и в зависимой от государства церковной системе Лесков видел авторитарность, подавляющую самобытность всякого человека. Вопрос системы — неважно какой — системы власти, религии, этики или духовных учений переживался им особо остро. Нигилистами для него могли быть не только «новые люди» — разночинцы, но и представители такого консервативного сословия, как духовенство, например. В письме П.К. Щербальскому (1871 г.) он замечает: «... и Вы, простирая такое требование, мне кажется, погрешаете, стесняя свободу художественного чувства. Я не враг Церкви, а её друг, или более: я покорный и преданный её сын и уверенный православный — я не хочу её опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задвленная государственностью, но в новом колене слуг алтаря я не вижу «попов великих», а знаю в лучших из них только рационалистов, то есть *нигилистов духовного сана* (курсив наш. — Авт.)» [Лесков, 1956-58, с. 291].

Итак, «человек без направлений» Н.С. Лесков в начале своего творческого пути встаёт в оппозицию к нигилизму, видя в новом учении угрозу разрушения патриархального уклада народной жизни, покушение на свободу личности. «Ибо, несомненно, наибольшее из зол — и эта мысль постоянно ощущается у Лескова, — голая теория, вовсе не принимающая в расчёт пульс жизни» [Маркадэ, 2006, с.73]. В противостоянии этим «голым теориям» и создаются Лесковым образы положительных героев, живущих по духовному закону правды. Создавая своих праведников-антиков — обличителей систем,

доктрин, направлений, Лесков как бы удерживает равновесие жизни, не вмещающейся в узкие рамки человеческих измышлений. Вопрос противостояния личности и людей системы поставлен Лесковым очень тонко. Его сущность не в том, что, например, нигилистам противостоят представители какого-либо другого политического или культурного течения; нет, но человеку, подпавшему под власть тьмы, противостоит человек, держащийся стороны света. Иными словами, революционеру Бычкову противостоит революционер Райнер, протопоп Савелий Туберозов терпит притеснения и гонения от своего же духовного сословия, хотя он и борется с нигилизмом. Каждый из праведников Лескова противостоит авторитаризму теории или направления на своём месте, на своей социальной ступеньке, в своё время. И в этом противостоянии каждый из праведников до конца остаётся верен своим религиозным убеждениям. Ведь именно религиозность лежала в основании создания образов праведников русского писателя. Но религиозность эта – особая, по многим пунктам отличающаяся от православного вероучения.

Выше было сказано, что Лесков – человек культурно-этической традиции, уходящей корнями в глубь истории России. И как человек традиции, он противостоит нововведениям, в первую очередь нигилизму. Но Лесков противостоял не только новым течениям. Оппозиционер по складу характера, он ставил себя вне любой системы, в том числе и вне слаженной догматической системы Православной церкви. Опору противостояния, как он выражался, «мёртвым теориям» писатель видит в познании истин, «лежащих в природе духа и сердца» (из письма А.Ф. Писемскому) [Лесков, 1956-58, с.341], то есть во внутреннем устройении человека. Но говоря о лесковском понимании «природы духа», нужно помнить, что писатель не был полноценным приверженцем какой-либо религии. Ему был присущ некий «мировоззренческий хаос» [Дунаев, 2003, с.538]. Можно вспомнить свидетельство самого Лескова о том, как его по пути веры «вело и корчило». Он по многим вопросам расходился с традиционной религией России, но основным источником неприятия православного вероучения был вопрос о человеке, о его спасении.

Для сравнения, думается, будет уместным привести некоторые положения христианской этики и сотериологии. Православная этика учит, что человек – *повреждён и болен*, и болезнь эта в первую очередь – духовная. В результате добровольного отпадения от источника жизни – Бога и утверждения автономии в человеке нарушилась его первоизданная цельность – библейские «образ и подобие». Человек оказался духовно расколот. Раскол этой первоизданной цельности именуется в христианской этике смертью. Таким образом, грехом как нарушением богоустановленного закона развития всего

творения – смертельной болезнью – оказалась поражена вся духовно-душевно-телесная человеческая природа. И теперь эта природа и, в первую очередь, сердце как некий духовный центр нуждается в исцелении и очищении от греха и греховных укоренившихся привычек – «лукавых страстей». Источником болезни вся христианская аскетическая литература считает первогрех – гордыню, т.е. желание полной обособленности и автономии (в аскетике обычно приводится восемь основных развившихся из неё недугов с их ответвлениями: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, уныние, отчаяние, тщеславие, гордость), которая и явилась следствием грехопадения. Поражённая грехом личность не может иметь правильного представления о Боге, человеке и мироздании, так как всё внимание эгоистично сконцентрировано на самой себе и всё её окружающее, в том числе и Бог, воспринимается как средство удовлетворения духовных, душевных и телесных потребностей. Процесс саморазрушения личности – нарушения заповедей, данных в библейском Откровении, и постановка себя в центр всего – процесс динамический и беспредельный. Он длится в течение всего земного существования, а в дальнейшем перетекает в вечность, куда уносит человек в самом себе свою убогость и духовное расстройство, и уже вечно прибывает в мучительном состоянии расколотого бытия. Вывод из всего вышесказанного, с точки зрения православной этики, напрашивается один: человеку необходим Врач и Целитель, не подверженный греховной порче, каковым может быть только Бог – трансцендентно существующая Личность, содержащая в своих нетварных энергиях космос – весь видимый и невидимый мир. Исцеление, а в дальнейшем и «обожение» – восстановление и преображение утраченного «образа и подобия» происходит через воссоединение (*religio* с латинского «воссоединяю») всей падшей природы с энергией Божества, которая именуется в богословии «благодатью». Таким образом, речь идёт о *спасении* всего человека через приобщение и усвоение этой благодати, которая подаётся в таинствах православной Церкви – непостижимых божественных воздействиях, которые, как пишет академик С.С. Аверинцев: «...по традиционному христианскому пониманию, реально вводят божественное присутствие в жизнь человека и служат залогом грядущего «обожения», прорыва эсхатологического времени» [Аверинцев, 2006, с.490]. Отсюда можно сделать ещё один вывод: Церковь, как союз людей и их Творца, как вселенская община верующих, существует для преображения, исцеления и преодоления смертности человеческого естества. Это её истинная суть и внутренняя, таинственная сторона. Внешне Церковь традиционно облачена в молитвенную символическую ткань обрядов и ритуальных действий, что и составляет её культуру, – для усвоения этой внутренней стороны. Неразрывное единство двух сторон Церкви – обрядовой

(культурной) и мистичной – и приобщает человека, всю его духовно-душевно-телесную природу к благодатным, исцеляющим воздействиям Троицкого Бога.

Если говорить о религиозном мирозерцании Лескова, то можно с уверенностью сказать, что писатель не принял учения о *спасительной* миссии Церкви – учения об «обождении», её внутренней стороне. Мистика православия для него оказалась закрыта, а значит, тема *спасения* в Церкви им серьёзно не рассматривалась. Церковь он воспринимал всего лишь как социальный институт, который часто критиковал именно как институт общественного служения. В дальнейшем критике Лескова подверглись и нравственная составляющая Церкви, и определённые лица иерархии, и само вероучение. Здесь уже можно говорить не только о заблуждении писателя с точки зрения догматического богословия, но и о ереси. Да и сам Лесков в письмах нередко называл себя ересиархом.

Причина расхождения с православным вероучением как раз и заключалась в отвержении Лесковым внутренней, мистической стороны Церкви. Он мыслил, если так можно выразиться, душевно, поверхностно, не удостаивая вниманием духовную – глубинную – основу таинственной жизни православия. «Идеал Лескова – идеал сугубо эвдемонический, – отмечает в своём исследовании доктор филологических наук М. Дунаев, – автор более всего боится об устройении земного бытия. Проблемы подлинно духовные его в творчестве мало занимают, религиозность его – душевного свойства. Эвдемонический же тип культуры может искать опору для себя только в установлении строгих этических норм. Поэтому отношение к религии при таком типе культуры не может не быть преимущественно прагматичным: религия становится потребной исключительно для обоснования и укрепления морали» [Дунаев, 2003, с. 566]. В творчестве Лескова ясно прослеживается, как религиозный опыт вытесняется моральными переживаниями. Этика ставится во главу угла, ею поверяется буквально всё – внешнее и внутреннее как в отдельном индивидууме, так и в исторически-культурном социуме. Спасение человека он видел в самом человеке и в его праведности искал опору. Это был своего рода литературный стоицизм. Нужда в спасении кем бы то ни было сама по себе отпадала, потому что человек в своей глубине мыслился самодостаточным.

Автономия, или самодостаточность, при которой человек не нуждается в спасении извне, – жизненное и творческое кредо Лескова – воспринималась им как противопоставление вообще любой системе, в том числе и традиционной религиозной. Но автономия – это не личное измышление творца русских праведников, это – тоже традиция, но философско-культурологического направления, уходящая корнями ещё в античность (Лескову, судя по письмам,

был близок стоицизм Сенеки). Традиция, которой держится Лесков, близка религиозным воззрениям буддизма, манихейства, гностицизма и другим подобным течениям. Снова приведём слова Сергея Сергеевича Аверинцева относительно вышеназванных учений. «Для такого типа учений о спасении, — пишет учёный, — характерно представление, согласно которому человек путём самоуглубления и отрешения сам «спасает» себя, а не получает своё спасение из рук божественного спасителя (буддизм хинаяны требует от каждого быть для себя «светильником»). Кризис христианской традиции в новоевропейской культуре стимулирует рецепции буддийско-гностической идеи спасения — преодоление воли в этике Шопенгауэра, рецепты «самоспасения» в теософии и антропософии и т.п.» [Аверинцев, 2006, с.402].

Итак, автономия была изначальным мироощущением Лескова, но к самоутверждению в ней он шёл постепенно, «преодолевая» своё исконное православие, глубина которого для него так и осталась закрытой. Приведём выдержку из письма 1875 года: «Я лечусь, хандрю и не работаю ничего от хандры безысходной, но много, очень много прочел и духом возмутился: «зачем читать учился». Вообще сделался «перевертнем» и не жгу фимиама многим старым богам. Более всего разладил с церковностью, по вопросам которой всласть начитался вещей, в Россию не допускаемых. Имел свидание с молодым Невилем и... поколебался в моих взглядах... Скажу лишь одно, что прочитай я всё, что теперь много по этому предмету прочитал, и выслушай то, что услышал, — я не написал бы «Соборян» так, как они написаны, а это было бы мне неприятно. Зато меня подёргивает теперь написать русского еретика — умного, начитанного и свободомысленного *духовного христианина*, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в *одной душе своей* (курсив наш. — Авт.)» [Лесков, 1956-58, с. 411].

А вот размышления Лескова через 12 лет. «Вы даже не вникаете в сущность веры, а защищаете православие, которого не содержите и которого умный и искренний человек содержать не может. Я не хитрю: я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, — а всё остальное мне не нужно. Воскресенье было нужно, и Т. этого не отвергает. Всё было нужно, *но не всё теперь нужно. Наш век есть торжество в разъяснении учения Христа* (курсив наш. — Авт.). Вы за этим не следите и этого не знаете, и это Вас не занимает, но, может быть, займет. Т. говорит: «Хула на духа св<ятого> есть догматическое богословие». И это правда. Смысл весь в ученье Христа... Я поклонник искренности» [Лесков, 1956-58, с. 339].

Как видим, слово Лескова становится жёстче, в вопросах церковной веры он становится непримиримым оппозиционером. В противостоянии православию

Лесков находит единомышленника – другого апологета автономии – Льва Николаевича Толстого, того, кто ясно выразил и озвучил его сокровенные мысли. Вот выдержка из письма к Толстому 1893 года, за два года до смерти Лескова: «Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Однодум» и «Мелочи архиерейской жизни» и т. п.), но я всё путался и довольствовался тем, что «разгребаю сор у святилища», но я не знал, с чем идти во святилище. На меня были напоры церковников и Редстока (Засецкой, Пашкова и Ал. П. Бобринского), но от этого мне становилось только хуже: я сам подходил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою я всё боялся, что это ошибка, потому что хотя у меня светилось в сознании то же самое, что я узнал у Вас, но у меня все было в хаосе — смутно и неясно, и я на себя не полагался; а когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, — я всё понял, будто как «припомнив», и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал от Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами. С этих пор Вы для меня имеете значение, которое пройти не может, ибо я с ним надеюсь перейти в другое существование, и потому нет никого иного кроме Вас, кто бы был мне дорог и памятен, как Вы. Думаю, что Вы чувствуете, что я говорю правду» [Лесков, 1956-58, с. 520].

И хотя через год Лесков снова выразит Толстому свою признательность (надо отметить – неоднократно): «... люблю я то самое, что и Вы любите, и верю с Вами в одно и то же, и это само так пришло и так продолжается. Но я всегда от Вас беру огня и засвечиваю свою лучинку и вижу, что идёт у нас ровно, и я всегда в философеме моей религии (если так можно выразиться) спокоен, но *смотрю на Вас* и всегда напряженно интересуюсь: как у Вас идет работа мысли... Мои мнения все почти *сродные* с Вашими, но они менее сильны и менее ясны: я нуждаюсь в Вас *для моего утверждения*» [Лесков, 1956-58, с.590], всё же стоит отметить, что Лесков мыслил по-толстовски, когда толстовства ещё не существовало. Он всегда оставался независимым в религиозных воззрениях, шёл многое «по-своему видя», сохраняя верность пути «вне направлений». С Толстым, которого Лесков почитал как «человека-мудреца, очистившего сор, заплонивший христианство» [Лесков, 1956-58, с. 605], его сближало толстовское истолкование Христа, отвержение Церкви и вытекающая отсюда самодостаточность человека с «Богом в душе». Отдельные расхождения представлялись ему не столь важными. Он до конца остаётся верен выбранному им самостоятельному пути, противопоставляя Толстого толстовцам. «Лесков

идёт за Толстым в острокритической оценке современности, в отрицании форм и сущности правящих, особенно бюрократических и церковных кругов... Но толстовство как *систему взглядов* (курсив наш. – Авт.) Лесков не принимает, считает её даже «учительскими бреднями» и отзываясь о ней чаще всего иронически... В 1893 году он подытожит свои идейно-творческие взаимоотношения с Толстым: «Он теперь мне уже не годится... Я совсем не близок к нему».

Лесков писал жизнь такой, какой видел с позиции личной автономии и какой хотел видеть в будущем. Он, отстаивая свободу личности, противопоставлял себя всем учениям и догмам. Критиковал нигилистов и священнослужителей, демократов и славянофилов, сохраняя авторитет личности Толстого, отвергал само толстовство. Один против всех. Боец, но за что? Несомненно, на мировоззрение влиял и характер, одной из черт которого была «потребность расчесать любую царапину непременно до крови». Это из жизнеописания, написанного сыном Андреем. Там же приведена характеристика писателя некой Л. Я. Гуревич, которая, по слову А.Н. Лескова, «из массы разноречивых характеристик Лескова, от приторно умиленных до злобно хулиТЕЛЬНЫХ... в каждом своём слове взвешенная и прочувствованная, очень многих вернее и тоньше». Прочитываем издателя «Северного вестника»: «Умный темпераментный старик с колючими чёрными глазами, с душою сложною и причудливою... Полный бунтующих страстей. Беспокойного, придирчивого и сильного разума. Он никогда не знал душевного или умственного успокоения. Он громил старое, отживающее и высмеивал новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя к недостаткам, свойственным периоду брожения. Капля крови Ивана IV, мятежного деспота с порывами к самоусовершенствованию, со склонностью к святошеству, но вместе с тем способностью терзаться в религиозном экстазе» [Лесков, 1984, с. 287]. Но сын добавит: «Неубедительно умалена здесь и доля крови Грозного, крови, унаследованной, может быть, от деда, выгнавшего сына без ломтя хлеба за пазухой». И далее ещё точнее: «Как неотступное правило – любая искра раздувалась в пламя, «пошептом» пущенная сплетня, не проверенный и не подтвержденный ещё фактически слух подхватывались как требующие непременно и неотложного гласного разбора, обсуждения или протеста: «опубликовать во всеобщее сведение результаты следствия», «убить гнусную клевету», «бываю излишне впечатлителен», «несчастно щекотлив» – вот чем горели дух и сердце, вот что «мутило душу»» [Лесков, 1984, с. 287].

Итак, Лесков – талантливейший писатель своего времени, человек сложный и противоречивый. Его «больной талант» ищет самореализации.

Лесков умеет видеть всё – и доброе и злое в жизни и всему придавать масштабное значение. Он будто смотрит на мир в микроскоп, пристально разглядывая изъяны общества, самых разных социальных групп. Оппозиционер по складу характера, он ищет выход и находит его в самоутверждении человеческой автономии. Лесков, несомненно, человек верующий, и в высшую силу, и в самого человека – в его самодостаточность. Моралист по убеждению, он ищет спасения вне церковной ограды, ибо в ней для себя он видит застой, отсутствие «движения воды». Он осмыслил христианство на душевном уровне, на уровне абсолютизации морали, отказавшись подняться до того, что выше морали. Это преимущественное внимание к нравственной стороне христианства – сосредоточение в сфере душевных, но не духовных стремлений приводит его к сближению с Толстым. Обоих связывало стремление улучшения земного устройства бытия, но никак не идея вечного спасения. Назвать Лескова последователем Толстого нельзя. Он был слишком самостоятелен для этого и не вмещался ни в рамки толстовства, ни в какие другие религиозные и социальные «направления». Но и говорить о какой-либо слаженной религиозной модели Лескова тоже нельзя. Наиболее удачно высказался по данному вопросу, ёмко и точно обозначил религиозное состояние Лескова современный французский исследователь – «религиозный анархизм» [Маркадэ, 2006, с.229].

И всё-таки, несмотря на «религиозный анархизм» писателя, магистральным направлением его духовного пути является понятие человечности. Лесков ищет идеал человека и находит его в противостоянии той или иной системе, в утверждении автономии. Он пытается скорее не доказать, а показать читателю: человек может оставаться человеком в любой ситуации, в любое время, находясь на любой ступеньке социальной лестницы. Человек – самодостаточен и зависит только от самого себя. Но в своей самодостаточности он не вписывается в общепринятые рамки и положения. Так возникает проблема противостояния человека и общества.

Внимательно читая тексты русского классика, мы можем с уверенностью сказать, кто, без сомнений, являлся предметом его веры. Человек! Писатель свято верил в человека, который сохраняет главное своё свойство – добро. Праведники Лескова созданы как странники, как обличители системного авторитаризма, обличители зла «мира сего», как чудаки «не от мира сего». Их религиозное мироощущение – мироощущение самого Лескова. Они и есть ответ писателя на злободневные вопросы пореформенной России.

1. Аверинцев, С.С. Собрание сочинений/ Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. – К.: ДУХ І ЛИТЕРА, 2006. – 912с.
2. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в X II – XX веках: монография / Дунаев М.М. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003, 1056с.
3. Лесков, А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным записям и памятям. В 2-х т. Т.1./ Лесков А.Н. – М.: Худож. Лит.,1984. – 479 с.
4. Лесков, Н.С. Собрание сочинений. В 11т. / Н.С. Лесков; вступ. ст., подгот. текста и коммент. П. Громов и Б. Эйхенбаум. - М.: Гос.Изд. Художественной литературы, 1956-1958.
5. Лесков о литературе и искусстве/ Лесков Н.С. - Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1984, 284с.
6. Маркадэ, Жан-Клод. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники: монография / Маркадэ Жан-Клод. - С-П., 2006, 479с.
7. Новая философская энциклопедия,2003г. [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/879/word/nigilizm>, свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус.
8. Федоров, В.А. История России XIX- начала XXвв. : учеб. пособие для вузов / под ред. В.А. Федорова. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Зерцало, 2000, 744с.
9. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор"» [электронный ресурс] / Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke9/ke9-5601.htm>, свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус.
10. Цыпин, В., протоиерей. История Русской Православной Церкви: Синодальный период. Новейший период/ Ципин В. - Сергиев Посад, 2004, 816с.